

Что значит «неодолимый», Шу Цзюнь пока не понимал. Но он уже знал, что Сюэ Кайчао взял его не ради красоты или минутной прихоти, и в будущем всё ещё мог бросить. Он помолчал несколько мгновений, затем ответил:

— Я из низов, и то, что господин почтил меня своим вниманием, уже великая удача. Отныне я не осмелюсь ослушаться приказа господина.

С этими словами он поднял голову, взглянул на Сюэ Кайчао перед собой и, выпрямившись, совершил почтительный поклон:

— Я стану клинком господина.

Сюэ Кайчао положил руку на его плечо, наклонился и тихо сказал:

— Хорошо.

Шу Цзюнь пел множество драматических пьес и помнил одну строчку: «Благородный муж умирает ради того, кто его понимает». Он не был благородным мужем, он был просто человеком, барахтающимся в грязи, плывущим по течению в этом мире, никогда не считавшим себя особенным или достойным. Он уже думал, что умрёт, и его жизнь так и закончится, но Сюэ Кайчао вытащил его и сказал, что ожидает от него большего.

Желание отдать за господина все свои внутренности, вылить всю свою кровь, приложить все свои силы — не ради благодарности, а ради этого высокого внимания.

Пальцы Сюэ Кайчао были холодными, Шу Цзюнь заметил это с первого прикосновения. Он сомневался, но не решался спросить. Теперь же, держа клинок и склонившись перед Сюэ Кайчао, его лоб почти касался его ноги, а на плече чувствовалась холодная рука, всё глубже проникающая в его плоть.

Шу Цзюнь знал, что температура его тела выше обычной, зимой он был как маленькая печка, и он сомневался, не ошибся ли он. Может, у других людей руки всегда такие холодные?

Пока он так думал, с гор подул ветер, и рука на его плече переместилась на шею, затем Сюэ Кайчао положил и другую руку, свободно обхватив его шею. Всё же это было не так уж холодно, Шу Цзюнь чувствовал, что выдержит.

Сверху донёлся тихий вздох, словно сдерживаемый.

Тело Шу Цзюня, однако, постепенно расслабилось. Весь этот день с утра до вечера он был в напряжении, и ему некуда было выплеснуть эмоции. Теперь же, когда кто-то прикоснулся к нему кожей к коже, казалось, это поглаживание, это использование его как грелки, наконец-то позволило ему прийти в себя. Сюэ Кайчао слегка потянул его руками, и он так и упал ему на грудь.

Незнакомый аромат достиг ноздрей Шу Цзюня. Он лежал у него на коленях, одной рукой держа тот узкий клинок, остриём вниз, указывая на землю, — на случай, если кто-то поднимется. Другой рукой он, помедлив, всё же обхватил его и положил на внешнюю сторону бедра Сюэ Кайчао, чтобы сохранить равновесие.

Дыхание их обоих постепенно становилось тихим и ровным, почти неслышным.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Сюэ Кайчао вдруг убрал руки и спокойно произнёс:

— Пришли.

Шу Цзюнь мгновенно встал, сделал два шага вперёд и встал на ступеньки, глядя вниз. Несколько тёмных силуэтов быстро перемещались, прыгая по верхушкам деревьев. Какое-то время они, вероятно, бежали по земле — был слышен только звук, а какое-то время взлетали на ветви, и тогда их фигуры отчётливо вырисовывались на фоне огромной луны.

За ним Сюэ Кайчао медленно поднялся и тоже сделал два шага вперёд:

— Это Ю Юнь и другие.

Огонь на озере уже погас, огни на острове посреди озера тоже почти все погасли, только у причала, судя по всему, ещё горел свет. Лазурный Цилинь издали приближался, ступая по облакам, и выглядел даже медленнее, чем Ю Юнь с остальными.

Шу Цзюнь немного успокоился, отошёл вниз, чтобы не загромождать обзор Сюэ Кайчао, и увидел, как Ю Юнь с другими служанками остановились неподалёку и подошли. Они явно участвовали в схватке, но, кроме растрёпанных волос и шатающихся шпилек, в общем-то не выглядели слишком потрёпанными.

Несколько служанок вместе поклонились, и Ю Юнь доложила:

— На озере уже всё очищено. Охраны осталась только половина, они сейчас проверяют всё изнутри наружу. Господин может вернуться и отдохнуть.

Шу Цзюнь не поднимал головы, но чувствовал, что атмосфера стала напряжённой. Через мгновение Сюэ Кайчао медленно спустился вниз. Он не показал никаких эмоций, но лицо Ю Юнь изменилось. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но в конце концов сдержалась. Сюэ Кайчао сказал:

— Видимо, я слишком уступал, и люди решили, что я слаб и с меня можно вить верёвки. Эти охранники... не должны были погибнуть.

Ю Юнь сделала два шага вперёд и тихо спросила:

— Господин изменил решение?

Сюэ Кайчао взглянул на неё и сказал:

— Когда вы всё уберёте, возвращаемся в столицу. Буря собирается, и мне не следует оставаться в стороне.

Ю Юнь ответила:

— Слушаюсь.

В глубине её глаз, казалось, зажглись огоньки. Она почтительно отступила.

Когда они поднимались, было спешно, но спускаться с горы не было нужды торопиться. Шу Цзюнь, держа клинок, вместе с Ю Юнь и другими служанками, словно цыплёнок, был подхвачен и стремительно поскакал вниз, а Сюэ Кайчао уехал верхом на Лазурном Цилине.

Вернувшись, все остальные ушли помогать охране прочёсывать усадьбу, а Ю Юнь осталась, чтобы подготовить постель для Сюэ Кайчао и одновременно объяснить Шу Цзюню, на что

обращать внимание, если спать здесь. Кроме того, что нужно хорошо спать и быть настороже ночью, он должен был быть очень внимательным: если господину что-то понадобится, даже не сказав, нужно было быстро выполнять. Подать воды, чаю — нужно встать.

— Если будет что-то ещё... не бойся, просто слушайся.

Ю Юнь говорила намёками.

Шу Цзюнь через некоторое время понял и не знал, куда деть руки и ноги. Неужели, будучи «клином», тоже придётся прислуживать в постели?

Подумав, он решил, что считать Сюэ Кайчао человеком, который действует по прихоти и в такой момент не забывает о подобных вещах, особенно готовым сойтись с кем попало, было бы недооценкой.

Поэтому Шу Цзюнь успокоился, разложил постель и принёс себе подушку. Маленькая кровать на самом деле была не такой уж маленькой, просто стояла снаружи полога кровати Сюэ Кайчао, была ниже и уже. Шу Цзюнь ещё не вырос, и места для него было с избытком.

Когда всё было устроено, вошёл и Сюэ Кайчао после омовения.

Шу Цзюнь уже немного понимал его характер: что бы ни происходило снаружи, внешне он всегда оставался спокойным, словно не испытывал ни паники, ни гнева, совсем не похоже на человека, на которого только что покушались. Сюэ Кайчао после омовения был одет в лёгкую, мягкую длинную одежду, снизу были широкие штаны, он шёл босиком. Его лицо слегка порозовело от горячей воды, и выражение выглядело даже несколько ленивым.

Лазурный Цилинь уже спал на его подушке. Сюэ Кайчао снял его и положил рядом, а затем сказал Ю Юнь, которая достала аптечку:

— Иди.

Ю Юнь ничего не сказала, с беспокойством взглянула на Шу Цзюня, поклонилась и удалилась.

Сюэ Кайчао указал на ту аптечку:

— Убери обратно.

Шу Цзюнь не понимал, что происходит, но повиновался, убрав ящик на место. Когда он обернулся, Сюэ Кайчао уже был на кровати, как раз протягивал руку, чтобы снять полог с золотого крючка, и сказал ему:

— Спи, уже слишком поздно.

И они оба легли спать. Шу Цзюнь пережил за этот день слишком много, и, хотя лёг, сразу заснуть не мог. К тому же прямо над головой, казалось, было слышно дыхание Сюэ Кайчао. Он лишь осторожно перевернулся на другой бок, лёг на спину и, глядя в потолок, медленно переваривал всё, что с ним сегодня случилось.

В комнате на время воцарилась тишина. Зажжённая успокаивающая благовония источала лёгкий, изящный аромат, и он уже почти засыпал, как вдруг услышал сверху вздох. Сюэ Кайчао опустил руку из-за полога и сказал:

— Поднимайся сюда.

Шу Цзюнь остолбенел, поспешно сел, но будто пойманный на месте преступления, приоткрыл полог, пролез внутрь, обойдя место, где спал Лазурный Цилинь, и внутри полога встретился взглядом с Сюэ Кайчао.

Тот приоткрыл одеяло, приглашая его подойти.

Неужели это действительно то, что он думал? Шу Цзюнь заволновался, руки и ноги одеревенели, но он всё же подполз и залез под одеяло.

Сюэ Кайчао почти сразу же перевернулся и обнял его. Взрослый мужчина был на целый размер больше его, словно накрывая его собой. Ситуация была двусмысленной, но в ушах раздался расслабленный вздох, и Шу Цзюнь вдруг понял: на самом деле Сюэ Кайчао использует его как грелку.

Он перестал нервничать, попытался вытянуться, но, слегка пошевелившись, сквозь тонкую ткань ночной рубашки на боку Сюэ Кайчао нащупал нечто вроде повязки и замер.

Сюэ Кайчао знал, что он нащупал, и спокойно, как о чём-то обыденном, сказал ему на ухо:

— Не только есть те, кто хочет меня убить, но и те, кому почти удалось это сделать.

Шу Цзюнь содрогнулся.

Шу Цзюнь испугался того, что нащупал, а затем испугался Сюэ Кайчао, который говорил ему на ухо, и замер, словно лягушка, схваченная змеёй.

Хотя у змеи, конечно, нет рук, и она не может накрыть его всей своей тенью.

До сих пор он всё ещё не мог принять тот факт, что Владыка Цинлинь вообще мог получить ранение. Его пальцы, прижатые к боку Сюэ Кайчао, дрожали, и он забыл их убрать.

[Авторские примечания, комментарии отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16142/1445376>